

В. М. МОЛОТОВ

Об уроках троцкизма (По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине»)

Книга Л. Троцкого «О Ленине» названа «материалами для биографа». Однако главное в этой книге не для биографа. Во всяком случае, не только «для биографа» тов. Троцкий останавливается в ней на важнейших моментах в развитии партии и, в частности, на ее вожде. Не только для биографа описаны отдельные моменты подготовки к Октябрю, эпизоды из эпохи восстания и первые шаги Советского правительства. И, наконец, не только для биографа т. Троцкий касается как бы попутно таких серьезнейших вопросов, как наш поход на Варшаву в 1920 году, или сравнивает условия октябрьского восстания с недавними, но памятными всем событиями в Германии осенью 1923 г. Нет, все это уже не только и не столько для «биографа», сколько для нашей партии и для других партий Коммунистического Интернационала.

Автор книги «О Ленине» оговаривается, что «эта книга не закончена», что он еще надеется «дальше работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами».

Но, прочитав ее, невольно ставишь вопрос не об отдельных поправках и дополнениях к ней, а по существу политического значения всей этой книги. В ней Ленин, а затем и партия и октябрьский переворот представлены в «новом» и притом в таком неправильном, извращенном и специфически-троцкистском свете, что становится ясным, что дело тут вовсе не в будущих биографах Ленина, а в том, что книга «О Ленине» предназначена... для защиты особых политических взглядов Л. Троцкого, а также

для раскрытия особого значения в революции отнюдь не Ленина, а самого автора книги «О Ленине».

В статье, напечатанной в связи с этой книгой в «Большевике» (№ 12–13), Троцкий пишет: «Эта книга — о Ленине. О других, в том числе и о себе, я говорю постольку, поскольку мне это необходимо, чтобы выделить или оттенить ту или другую сторону деятельности Ленина или его личную черту»*. Но эта оговорка, в особенности насчет себя, отдает излишней скромностью. Во всяком случае, о себе Троцкий в этой книге пишет немало, причем нередко параллель Ленин — Троцкий как бы подчеркивается и, где это автору кажется желательным, особо выпячивается вперед. Что это так — можно сослаться хотя бы на пару особенно сочувственных автору рецензий по поводу этой книги. Так, скандально прославившаяся рецензия некоего Г. Даяна в «Красной нови» ярко подчеркнула этот момент. Эта рецензия заканчивается такими словами: «Помимо своей прямой задачи, работа Троцкого облегчает нам уяснить себе величавую фигуру самого Троцкого. Перед нами встает не только образ почившего вождя, но и образ сплетавшегося с ним в годы революции его героического сподвижника. В этом дополнительная заслуга книжки»**. Но это подметил не только приткий Г. Даян. В журнале «Печать и Революция» В. И. Невский поместил восторженную рецензию на книгу Л. Троцкого «О Ленине», в которой писал: «Книга тов. Троцкого во многих отношениях не только книга “О Ленине”, но и книга о Троцком». Тут же тов. Невский пропел совершенно неумеренный дифирамб Троцкому, весьма грациозно оговорившись: «Я не собираюсь писать дифирамб тов. Троцкому, так как являюсь противником всяческих и тем более партийных молебнов и акафистов, но хочу только сказать, что образ нашего вождя, зарисованный художественною кистью человека, о котором тоже можно сказать, что он в своем роде *primus inter pares*¹, так удачен, так близок и так дорог»***.

Ряд других рецензий также рассматривает книгу «О Ленине» не только как книгу о Ленине, но и как книгу о Троцком. Однако

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия // Большевик. 1924. № 12–13. С. 102.

** Даян Г. Рецензия на книгу Л. Д. Троцкого «О Ленине» // Красная новь. 1924. № 4. С. 341.

*** Невский В. И. Литература о Ленине // Печать и революция. Кн. 4. 1924. С. 162.

если бы это объяснялось только излишним субъективизмом автора, то это представляло бы в общем сравнительно совершенно второстепенный интерес. В действительности же книга «О Ленине» имеет определенное политическое назначение. Она, в сущности, была подготовкой к нашедшим «Урокам Октября». Книга «О Ленине» была написана раньше «Уроков Октября», но по основным вопросам об истории Октября и нашей партии за этот период она говорит то же, что говорится и в этих злосчастных «Уроках». Правда, в более поздней статье, в «Уроках», тов. Троцкий пошел дальше, высказался в ряде вопросов откровеннее, но это только значит, что отдельные, как будто случайные эпизоды и характеристики из «материалов для биографа» имеют тот же политический смысл, что и сами «Уроки». В форме «воспоминаний» здесь преподносится в общем то же, что в «Уроках Октября» преподносится в форме «истории». Однако кое в чем, как мы увидим дальше, в книге «О Ленине» Л. Троцкий был более откровенен, во всяком случае более прозрачен, чем в «Уроках Октября». Чего стоит, например, в главе «Правительственная работа» одно из «совершенно неожиданных» воспоминаний, относящихся к моменту перехода немцев в наступление в начале 1918 года.

— А что, — спросил меня однажды совершенно неожиданно Владимир Ильич, — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Бухарин со Свердловым справиться?

— Авось не убьют, — ответил я шутя.

— А чёрт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся. На этом разговор и кончился*.

Этот «совершенно неожиданный» разговор, припомнившийся совершенно случайно тов. Троцкому в 1924 г., конечно, очень характерен... характерен для самого Троцкого, для Троцкого 1924 г. Ну разве не правы Г. Даян и В. Невский, что книга Троцкого «О Ленине» есть не только книга о Ленине, но и книга о Троцком? Чтобы не было сомнений, как надо понимать это место в книге Л. Троцкого, понятливый Г. Даян разъясняет в своей рецензии: «Имеются косвенные указания, кого из “учеников” Ленин мыслит своими и Троцкого приемниками, лучшей “сменой”». Такие и подобные им «совершенно неожиданные» воспоминания и сопровождающие их рассуждения автора книги «О Ленине» дей-

* Троцкий Л. Д. О Ленине. М., 1924. С. 105–106.

ствительно заставляют говорить, в связи с этой книгой, не только о Ленине, но и об авторе книги — о Л. Троцком. Вернее даже будет сказать так: если в книге «О Ленине» автор мало что нового сказал о действительном значении Ленина для партии и пролетарской революции и немало сказал о Ленине такого, что или неточно, или двусмысленно, или в корне неправильно, то этой книгой дан незаменимый материал для характеристики некоторых политических черт самого Троцкого, для характеристики троцкистских взглядов.

**Книга о Ленине
как «материалы для биографа» Троцкого**

Самой характерной чертой книги «О Ленине», мне кажется, можно считать ее политическую двойственность, ее внутреннюю идеологическую противоречивость. Это сказывается во всех крупных политических вопросах, которые затрагиваются в этой книге. Прежде всего, этот момент сильно выражен в оценке самого Ленина, в характеристике его личности. В книге «О Ленине» можно найти много восторженных характеристик Ленина. Местами эти характеристики написаны очень красочно и искусно. Разбирая характеристику Ленина в статье Уэльса «Кремлевский мечтатель»* и в статье М. Горького «Владимир Ленин»**, Троцкий в большинстве случаев удачно и метко вскрывает убогое филистерство Уэльса, а также «банальный психологизм» и «весьма-таки мещанское морализирование» Горького. «Мещанин» и «филистер», как назвал Уэльса Ленин, получает от Троцкого по заслугам. «Псаломщику культуры»² Горькому достается также в большинстве случаев очень и очень, за дело. Но там, где Троцкий переходит к своей характеристике Ленина, далеко не все обстоит благополучно. Так, почему-то Троцкому для объяснения того, почему «Ленин избегал нередко говорить с разными ходатаями, представителями и им подобными», потребовалось утверждать: «...он (Ленин) предпочитал брать прицел по невидимому врагу,

* Wells H. G. The Dreamer in the Kremlin //The New York Times, 5 December 1920. P. 1, 3

** Горький М. А. Владимир Ленин //Русский современник. Кн. 1. М.-Л., 1924. С. 229–244.

чтобы не развлекать своего зрения случайными обстоятельствами и не передобрить». Вряд ли можно признать правильной такую характеристику Ленина, «предпочитающего прицел по невидимому врагу». Во всяком случае, сказать, что, например, во время Октябрьской революции Ленин предпочитал «братъ прицел по невидимому врагу», никак не подходит. Одно дело — нелюбовь к «видимым» и «невидимым» ходатаям и разговорам с ними, другое дело — непосредственная борьба с классовыми и политическими врагами вместе и во главе с теми, кто с оружием в руках бьет этих самых настоящих и притом великолепно «видимых» врагов на внутренних и внешних фронтах.

А этих последних случаев за годы революции, как мы знаем, у Ленина было не мало.

В печати уже был отмечен другой поразительный пример характеристики Ленина в книге Л. Троцкого. Из непреклонного, твердого и решительного революционера Троцкий сделал Ленина таким, который «при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора», причем тут же другие, и в том числе сам Троцкий, изображены совсем иначе. Фигура Ленина встает в этом случае в совершенно неправдоподобном и прямо в изуродованном виде. Можно только удивляться, для чего это явное преувеличение и искажение потребовалось автору книги «О Ленине»?

Или возьмем еще пример. В главе «Правительственная работа» Троцкий особенно подчеркивает, что в период Смольного Ленин «неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм, и мы станем самым могущественным государством». Делается при этом ссылка на тезисы о мире, написанные в январе 1918 года. Дальше говорится, что «он (Ленин) прибежал тут при этом крутом переходе к столь свойственному ему методу перегибания палки: вчера говорил, что социализм есть конечная цель, а сегодня — должны мыслить, говорить и действовать так, чтобы обеспечить господство социализма через несколько месяцев». И вдруг, для того, чтобы подчеркнуть «могучий идеализм Ленина», Троцкий набирает курсивом: «Он (Ленин) верил в то, что говорил». Как будто ссылкой на «могучий идеализм» Ленина можно доказать все, что угодно, и как будто нет никакого внутреннего противоречия в словах самого Л. Троцкого, когда он несколькими строками выше сам говорит о «методе перегибания палки, столь свойственном

Ильичу» в нужный момент. Во всяком случае, убедительность утверждения т. Троцкого о слишком упрощенном представлении Ленина насчет социализма сильно страдает от его же собственных предшествующих разъяснений. Валить на «идеализм» можно очень многое, но зачем же изображать Ленина таким, каким его не знали другие, кроме, видимо, Троцкого? Конечно, не только другие, но и Ленин в этот первый период Смольного «сжимал этапы и сокращал сроки» в своем представлении... о дальнейшем развертывании революции и пролетарского строительства, но не надо приписывать Ленину таких уж грубо-преувеличенных ошибок, которые, вероятно, были кое-кому свойственны, но всего меньше именно Ленину. Пусть бы тов. Троцкий ограничился на этот раз сообщением о том, что думал он в это время насчет «этапов» и «сроков». Быть может, тогда нам стало бы понятнее, почему и на седьмой-восьмой год революции Л. Троцкий так часто нервничает, так часто обнаруживает элементарную для пролетарского революционера невыдержанность, ища причин в затяжке международной рабочей революции не столько в объективных условиях, сколько в мнимых «ошибках» теперешних руководителей коммунистических партий.

Высоким «штилем» Троцкий пишет, что «в том гениальность и состоит, что через Ленина молодой русский пролетариат освобождается от ограниченности условий своего развития и достигает исторической универсальности. Оттого глубокая почвенность Ленина органически расцветает истинной, творческой, непобедимой интернациональностью»*. Но наряду с этим вносится некоторая двойственность в эту характеристику Ленина и ленинизма, когда Троцкий говорит: «*Крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку (это “поскольку” нужно, видимо, постольку, чтобы смазать начало фразы концом ее. — В. М.) она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей... Крестьянская подоплека преломилась тут через пролетариат, через самую динамическую силу нашей, да и не только нашей, истории, и этому преломлению Ленин дал законченное выражение. В этом именно смысле Ленин есть головное выражение национальной стихии*»**.

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 99.

** Троцкий Л. Д. Верное и фальшивое о Ленине (Мысли по поводу горьковской характеристики Ленина) // Правда. 1924. 7 октября.

Не раз подходит Л. Троцкий к вопросу о «крестьянской подоплеке» у ленинизма, и в «крестьянской сметке» у Ленина, и к тому, что Ленин «головное (!) выражение национальной стихии» (?!), и наряду с фразами, что Ленин гениально преодолел всякую ограниченность, старательно подчеркивается «национальное» значение Ленина, его «мужицкая подоплека». Однако для основателя и вождя III Интернационала нам кажется более характерной не «мужицкая подоплека» и не «головное выражение национальной стихии» в Ленине, а то, что он (Ленин) впитал в себя самое важное и подлинное революционное из интернационального (в том числе российского) рабочего движения и из мирового движения всех угнетенных народов против гнета империализма. В отмеченной выше характеристике у Троцкого сказывается явственная двойственность, противоречивость и искажение действительного интернационального значения Ленина. Не хватало только прибавить: Ленин и ленинизм с «крестьянской подоплекой» и с душком «национальной стихии», настоящих же пролетарских революционеров надо искать в другом месте... например, среди сторонников «непрерывной» революции.

Или сравнение Ленина с Марксом. И здесь Троцкий, с одной стороны, отмечает: «Гениев-вождей рабочего класса, их два только насчитывает мировая история: Маркс и Ленин», а рядом с этим Троцкий говорит: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов (курсив наш. — В. М.), научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы на опыте, в тягчайшей обстановке, действуя, маневрируя и побеждая». И здесь сквозит известная двойственность в характеристике Ленина. Троцкий почти нигде в своей книге не касается вопроса о значении теоретических работ Ленина. Если не считать упоминания о книге «Развитие капитализма в России»*, то Троцкий в книге «О Ленине» обходит вопрос о значении теоретических работ В. И., а фразой о том, что «Ленин — исполнитель заветов», как бы подтверждается, что Троцкий обходит вопрос о значении теоретической работы Ленина не случайно. Во всяком случае, неясность в этом вопросе остается, впечатление двойственности в оценке Ленина даже здесь не исчезает.

В дальнейшем мы особо остановимся на том, как оценивает Троцкий взаимоотношения Ленина с партией и на вопросе о роли

* В статье «Ленин и старая “Искра”». С. 8.

Ленина в октябрьском восстании. Сейчас же нам необходимо перейти к той основной характеристике Ленина, которую Троцкий неизменно подчеркивает в ряде мест. В ответе Горькому Троцкий пишет: «Определить человека одним словом трудно. Сказать: великий, гениальный, значит — ничего не сказать, но если бы требовалось обозначить Ленина одним определением, то я сказал бы: “целеустремленный”». О «целеустремленности» Ленина Троцкий говорит в ряде других мест*, везде подчеркивая, что это основная черта В. И. Но что такое эта «целеустремленность»? Возьмем то определение этого понятия, которое вполне удовлетворяет т. Троцкого. Он пишет: «Правильно говорит Горький, что “Ленин, это — изумительно совершенное воплощение воли, устремленной к цели”. Целеустремленность Ленина — основная его черта», — заканчивает т. Троцкий. Итак, определением «целеустремленный Ленин» подчеркивается, прежде всего, воля, — воля, направленная к цели. Этим Троцкому, видимо, хочется подчеркнуть, что волевой элемент в Ленине был на первом плане, что в этой воле и стремлении к цели была будто бы «вся суть Ленина, самая сердцевина его». Ведь Ленин был «насквозь целеустремленный», рассказывает Троцкий еще про Ленина 1902 года. Однако насколько правильно такое определение якобы «всей сути» Ленина? Пожалуй, в рядах той партии, вождем которой был В. И. Ленин, найдется не один товарищ, у которого на первом месте главной чертой и «сердцевиной» была воля, устремленная к цели. А все тот же догадливый Г. Даян из «Красной нови» нашел, что «целеустремленность», о которой с такой любовью говорит т. Троцкий, эта целеустремленность составляет «духовную природу самого т. Троцкого...»**.

Вот, оказывается, в чем дело! А как же быть с тем, что эта книга не о Троцком, а — называется, по крайней мере, — «О Ленине»?... И, тем не менее, Г. Даян гораздо более меток и, во всяком случае, более удачен в своем определении «духовной природы», чем т. Троцкий. Пожалуй, с Г. Даяном можно согласиться в характеристике основной черты... автора книги «О Ленине». Но сам Ленин, подлинный и признанный вождь нашего и всего мирового пролетариата, никак не укладывается в Прокрустово ложе опре-

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 19, 42, 48, 110.

** Даян Г. Указ соч. С. 342.

деления его якобы «сердцевины», данного Троцким. Как в подлинном и действительно исключительном вожде революционного пролетариата, в Ленине не могла преобладать и быть основной чертой воля. Во всяком случае, никак нельзя признать, что в воле и в стремлении к цели была «вся суть» и «сердцевина» Ленина. При всей самой великолепной «целеустремленности», при непреклонной воле Ленин не был бы Лениным, если бы эта воля и вся его целеустремленность не вливалась в то ленинское русло правильной пролетарской политики и марксистски-выдержанной коммунистической идеологии, которое по меньшей мере столь же характерно для Ленина, сколь воля, однобокая целеустремленность, скажем, для Троцкого. Именно в том и заключалась основная и особенная «черта» Ленина, что у него не преобладала воля над разумом, а наоборот, разум настоящего вождя, необыкновенно одаренного и впитавшего в себя сущность основных результатов современной науки и опыта международного рабочего движения, сливался с революционной волей, если угодно, с целеустремленностью. Поэтому-то нам кажется совершенно неудачным и прямо неправильным такое подчеркивание целеустремленности Ленина, какое делает Троцкий в своей характеристике Ленина. Эта черта, во всяком случае, составляет не больше, а скорее меньше половины настоящей «сути и сердцевины» Ленина. Слишком же усердное подчеркивание целеустремленности в Ленине может быть понято только в том случае, если смотреть на Ленина как на одного из «выполнителей заветов». Но Троцкий не решился прямо сказать это (т. е. то, что он сказал при сравнении Ленина с Марксом) в связи с определением «целеустремленности» Ленина.

Нельзя не согласиться с Троцким, что определить Ленина одним словом — задача очень трудная. Не рискуя, со своей стороны, давать такие краткие определения, мы, исключительно в противовес однобокому определению «целеустремленный», считали бы возможным и важным подчеркнуть такую черту Ленина, которая бесспорна для всех, кто прямо или косвенно (по его литературному наследству) знал Ленина и всех тех, кто еще его узнает. Эта черта — цельность, полное внутреннее единство Ленина. Фигура Ленина стоит перед нашими глазами как литая, высеченная из одного необыкновенного куска. Вот определение самого т. Троцкого, которое нам кажется гораздо более удачным: «В одной фигуре — воплощение революционной мысли и непреклонной энергии

рабочего класса. Эта фигура — Владимир Ильич Ленин»*. В воспоминании о первом своем знакомстве с Лениным в 1902 году Троцкий указывает, что еще тогда «Ленин становится Лениным». И сказать после этого, что основной чертой и сердцевиной Ленина является «целеустремленность», значит — дать однобокое, неверное, фальшивое определение Ленина. При неправильном подчеркивании целеустремленности, пожалуй, делается понятным такое определение якобы «главной пружины ленинского духа»: «глубокое и неукротимое убеждение в могучих возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой (?!) ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа»**.

Позвольте все же усомниться в этом! Позвольте выразить сомнение в том, что убеждение в «возможностях (!) человеческого развития» достаточно для любых (!) «жертв и страданий». Не является ли все это определение «ленинского духа» просто фразой, и притом фразой неловко-напыщенной, однобоко-фальшивой?

К этому приводит тов. Троцкого перегиб палки в вопросе о целеустремленности. Целеустремленность-то — вещь хорошая и очень нужная. Без настоящей революционной целеустремленности не может быть не только великого вождя коммунистической революции, но и вообще порядочного революционного коммуниста. Однако когда эта целеустремленность, иначе говоря, воля к достижению цели, преобладает над разумным выбором средств и путей к этой цели, то «целеустремленность» может довести до великой беды. Вот это, так сказать, обратная сторона неограниченной правильным «ленинским» учетом обстановки «целеустремленности». Одним из характерных примеров опаснейших ошибок слишком «целеустремленных» людей может считаться памятная эпоха Бреста.

В своей книге «О Ленине» тов. Троцкий посвящает этой эпохе специальную главу «Брест-Литовск». В этой главе он всячески старается доказать — как бы это повежливее сказать! — совершенно недоказуемое. Он пытается здесь убедить, что в сущности между ним и Лениным в эпоху Бреста «не было и тени разногласия»!..

В этой части книги особенно богаты «воспоминания» тов. Троцкого. Целые страницы диалогов Троцкого с Лениным, очень живо

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 152.

** Там же. С. 113.

восстановленных теперь Троцким, должны во что бы то ни стало доказать, что Троцкий если чем и отличался от Ленина в эту эпоху, то разве только одним — большей дальностью, большим умением выходить из самых трудных положений. Помимо всех прочих заслуг, оказывается, Троцкому принадлежит не больше и не меньше как спасение партии от раскола в этот момент. Страницы 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86 сплошь заполнены такими диалогами Троцкого с Лениным, которыми Троцкий хочет доказать преимущества своей печально знаменитой формулы: «войну прекращаем, но мира не подписываем». На всякий случай Троцкий делает оговорку, что «приведенные в этой главе диалоги имеют, разумеется, лишь приблизительный характер», но эта оговорка только, как Чернышевский выражался, — «для проницательного читателя», а может быть, просто от избытка скромности.

Вся эта глава настолько путана, настолько внутренне противоречива, настолько наполнена желанием доказать недоказуемое, что подробно разбирать ее здесь представляет большие затруднения. Надо бы это сделать особо. Можно только посоветовать товарищам, которые интересуются действительной историей эпохи Бреста, ознакомиться непосредственно с документами периода Бреста. Ведь многое об этом уже опубликовано. Особенно полезно прочитать речь самого Троцкого на 7-м съезде партии. Из протоколов съезда и прежде всего из этой речи Троцкого и ответа ему Ленина можно узнать действительное отношение Троцкого к вопросу о революционной войне, которую так усердно тогда защищали «левые коммунисты». Из этих протоколов, и в частности из той части речи самого Троцкого, где он говорит об отношении к подписанию мира с Украинской Радой, легко убедиться, что Троцкий в ту пору был гораздо ближе к опаснейшей и прямо губительной политике «левых коммунистов», чем к осторожной и выдержанной революционно-пролетарской политике Ленина*. Только под прямым ультиматумом Ленина о своем выходе из ЦК Троцкий вместе с частью «левых коммунистов» в ЦК воздержался, и это дало возможность Ленину получить большинство в ЦК и провести правильное решение.

* Ещё раз: полезно ознакомиться с протоколами Седьмого съезда партии. См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962.

Об этих ошибках Троцкого и других товарищей Бреста за последние годы вспоминали редко, но теперь, когда, пишутся книги в оправдание опаснейших политических ошибок, надо напомнить, что никакие «диалоги», никакие «воспоминания» хотя бы и «для биографов» не устранят фактов и бесспорных документов об этих фактах.

Брестский период показал, что самая могучая «целеустремленность» может не только принести пользу революции, но и привести к гибели ее. В революционной целеустремленности Троцкого и «левых коммунистов» того периода не может быть никаких сомнений. Однако спаси нас будущая история от такой «целеустремленности»! Лучше немного поменьше «целеустремленности», но больше того, чему учил Ленин, чем дышала вся его фигура: побольше умения связать цель и средства, умения соединить революционную волю и пролетарский разум в достижении основных задач коммунистической революции.

Итак, целеустремленность — не «сердцевина» Ленина и ни в коем случае не «вся его суть». Кое у кого насчет «целеустремленности», может быть, и обстоит так, но потому-то Ленин и был Ленин — литой, цельный, а Троцкий скорее, скажем, «целеустремленный», однобоко-волевой по своим личным качествам и двойственный, внутренне-противоречивый по своей политике, в особенности в переломные исторические моменты. Но неужели, в самом деле, мы дожили до такой поры, когда нужно доказывать, что Ленин — не Троцкий, а Троцкий — не Ленин?

«Ленин становится Лениным», как признает Л. Троцкий, еще с начала 900-х годов. С тех пор, став во главе партии, он умеет быть «разным» в разное и даже в одно и то же время: несокрушимо решительным и выжидательно гибким бойцом-политиком и теоретиком-марксистом, условно национальным — для русской революции и безусловным интернационалистом как творец и вождь III Интернационала и т. д., и т. д.

И все-таки в Ленине воплощены эпоха пролетарской революции, восстающий против капитализма рабочий класс и, быть может, прежде, всего, его идеология и партия — большевизм. И все-таки Ленин был литой и цельный, такой же литой и цельный, как сама монолитная большевистская партия. Ленин был воплощением того нутра, сердцевины большевистской партии, которая на протяжении всей своей истории оставалась несрав-

ненной пролетарской партией во всем мире, которая всей своей историей, а не только в «решающий год» (так любит называть тов. Троцкий 1917 год, — кстати сказать, год вступления Троцкого в нашу партию) доказала, что она не даром прошла предшествующие 15 лет борьбы с оппортунистическими, шатающимися и примиренческими, в том числе троцкистскими, элементами в революционном рабочем движении.

Троцкий в эти долгие годы подготовки к Октябрю был не с нашей партией, а в большинстве случаев жестоко сражался с нею, находясь вместе, в одних рядах с ее меньшевистскими противниками. У нас нет основания сомневаться в том, что и тогда у т. Троцкого революционной целеустремленности было достаточно, а вот понимания настоящих революционных путей подготовки к Октябрю, понимания большевистской политики и строительства действительно пролетарской партии, — этого у него не хватало, этого вплоть до революции он не умел найти в большевизме. Поэтому, войдя в нашу партию за два-три месяца перед октябрьским восстанием, он с огромной пользой применил свою целеустремленность в эпоху восстания, но, как теперь стало ясно, далеко не изжил идеологических шатаний и противоречий своего меньшевистского прошлого. От этого-то наряду с большой и действительно принесшей партии и рабочему классу несомненную пользу революционной целеустремленностью (столь необходимой, когда она в нужный момент направлена по верному руслу, как это было в октябрьские дни), в идеологии и, прежде всего, в политической линии т. Троцкого столь чувствуются внутренняя противоречивость, двойственность, остатки и пережитки троцкизма, который шел в ногу с меньшевизмом в долгие годы подготовки к Октябрю. Политическая двойственность, внутренняя противоречивость Троцкого особенно подчеркиваются именно исключительной цельностью, несокрушимым внутренним единством во всей фигуре Ленина. Этими последними чертами Ленин и отражает подлинную сердцевину большевистской партии. Не от каждого этого можно требовать.

***Об отношении к партии:
пример Ленина и пример Троцкого***

В книге «О Ленине» естественно уделить большое внимание ленинской партии. Как бы ни назвать эту книгу, хотя бы «материа-

лами для биографа», дело идет о вожде, о созидателе, о неизменном руководителе, о живом воплощении партии октябрьского переворота. Понятно, что в книге, основная часть которой называется «Вокруг Октября», партия должна была занимать очень и очень заметное место. У Троцкого получается не так, даже совсем — совсем не так. Партия появляется там и тут, при рассказах об отдельных эпизодах, и притом обыкновенно в таком неприглядном, неказистом виде, что трудно в изображении Троцкого узнать нашу славную «большевистскую когорту». Естественно, что Троцкий говорит не вообще о партии, а в связи с Лениным. Но взаимоотношения Ленина с партией рисуются им в таком виде, что и Ленин, и партия становятся непохожими сами на себя. Догадливые люди так пытаются разъяснить это дело. Еще раз (в последний раз!) процитируем восторженного рецензента Г. Даяна: «Еще одно ошибочное представление о Ленине рассеивает т. Троцкий. Обычно принято (?!) думать, что партия всегда и неизменно покорно (!!) следовала за Лениным, трепетно ловила каждый взмах его дирижерской палочки (!!). Троцкий эту легенду разрушает. Он показывает нам Ленина, борющегося с установившимися взглядами партии, Ленина, подчас уступающего и одинокого».

Наговорить столько пошлостей и чепухи в нескольких фразах мог только такой несуразно-восторженный рецензент, как Г. Даян. Сей рецензент достаточно показывает, насколько ему чужд истинный дух нашей партии и насколько сам он чужд этой партии, но беда в том, что эту бьющую в лицо правде характеристику взаимоотношений Ленина и партии пытаются обосновать на книге Троцкого «О Ленине». Беда в том, что книга «О Ленине» питает подобные представления о партии и о Ленине.

Если обратиться к самой книге, то здесь действительно дается немало двусмысленных характеристик нашей партии, а отношение Ленина к партии отражено прямо в кривом зеркале. Здесь особенно старательно раздуваются те разногласия, которые были в партии в 1917 году. Тогдашние разногласия отдельных товарищей с Лениным здесь изображаются иной раз прямо как оппозиция чуть ли не всей партии своему вождю. Троцкий явно ищет аналогии современному его положению в партии и потому чересчур «натягивает тетиву» фактов. С особенным удовольствием им подчеркивается, как Ленин вел борьбу против той части «старых большевиков», которые «не раз уже играли печальную

роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно-заученную формулу». Эта фраза о «старых большевиках» настолько нравится т. Троцкому, что затем она повторяется в «Уроках Октября», и там она уже превращается в отравленное худшими приемами троцкизма орудие борьбы с основными большевистскими кадрами. Троцкий, лишь вскользь затушевывая картину, рассказывает о начале своего приближения в этот момент к нашей партии. Это остается смазанным привычными автору общими фразами. Зато ошибки и колебания отдельных товарищей из большевиков выпячены из всей истории нашей партии этого периода и представлены в совершенно неверном освещении.

В тех же «Уроках Октября» эти признанные ошибки отдельных товарищей (Каменева, Зиновьева и др.) служат главной темой и представлены уже в окончательно извращенном виде. В вопросе об отношении к партии и о событиях вокруг октябрьского восстания книга «О Ленине» особенно связана с книгой «1917». Здесь в большинстве случаев говорится об одних и тех же вопросах, но то, что в книге «О Ленине» было сказано вполголоса, намеками и экивоками, то в «Уроках Октября» Троцкий превратил в политическую платформу для наступления троцкизма на... Ленина и ленинизм.

В «Уроках Октября» Троцкий в конце статьи, по обычной своей манере, делает реверансы перед партией: «Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия». Так говорит Троцкий в связи с вопросом о предстоящей революции... в Англии*. И вот, для сравнения, как он говорит в той же статье о нашей партии 1917 года: «Понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, *прежде чем партия могла решиться* (курсив наш. — В. М.) обновить свое название, вернувшись к традициям Маркса и Энгельса». Не хватает только сказать: вот чего стоила большевистская партия в 1917 году! Однако не только нам, членам этой партии, но и широким рабочим массам не нужно доказывать, что большевистская партия в 1917 году, еще до прихода т. Троцкого в ее ряды, стоила и заслужила того, чтобы идти во главе двигавшегося к победе российского авангарда международного пролетариата.

* Троцкий Л. Д. 1917 г. М., 1924. С. XL.

Здесь мы лишний раз видим характерную для Троцкого двойственность, даже в отношении к партии. Это та самая двойственность, которая в январе 1924 года продиктовала ему слова: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях»*. А всего через 4 месяца, на XIII съезде партии, т. Троцкий говорил свои фальшиво-напыщенные фразы: «Партия в конечном счете всегда права»**.

Еще из области этой же самой политической двойственности т. Троцкого в отношении к партии. Вчера еще он был ужасным партийным «демократом» (не будем сейчас вспоминать, что было с Троцким позавчера); сегодня, в книге «О Ленине», он по-своему и совершенно извращенно рисует взаимоотношения Ленина и партии. При этом, — проследите не только по книге «О Ленине», но и по «Урокам Октября», — Ленин хорош в изображении Троцкого, когда он неистово нажимает на партию или когда он единолично, не советуясь не только с партией, но и не спросясь ЦК, решает важнейшие вопросы революции, не то между делом, не то в процессе разговора с отдельными товарищами. Так, например, изображен Ленин в главе «Разгон Учредительного собрания». У Троцкого получается примерно такая картинка отношений между Лениным и партией, по крайней мере, в острые моменты. В 1917 году Ленин «организовал борьбу внутри собственной партии против тех “старых большевиков”, которые» и т. д... Или: «Ленин требовал (от партии, что ли? — В. М.) категорического разрыва»*** с буржуазным либерализмом и оборончеством. Или еще: «Партия сама еще не признавала... Ленин уверенно вел ее...»****.

Вот какими словами рисует Троцкий взаимоотношения Ленина и партии. Вот какие приемы обращения с партией Троцкому кажутся не только похожими на действительность, но, видимо, и более подходящими по существу. Это один из примеров, как у некоторых партийных «демократов» преломляются отношения вождя и партии. Такие представления о партии слишком напоминают не живую жизнь партийной организации, а действительность

* Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924. С. 9.

** Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1924. С. 167.

*** Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 54.

**** Там же. С. 52.

совсем из области другой организации, которая и строится-то по совершенно другим, чем партия, принципам.

В свое время, по поводу тезисов тов. Троцкого о профсоюзах, В. И. говорил: «Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и пр.; есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознания и воли, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте»*. Пожалуй, кстати напоминание теперь о том, чтобы не только в тезисах, но и в книжках тов. Троцкий избегал нехорошего выпячивания таких своих политических качеств, на которые еще раньше пальцем указывал Ленин.

Троцкий совершенно неверно характеризовал отношение между Лениным и партией. Ни в 1917 г., и никогда в другое время у Ленина не было таких взаимоотношений с партией, как это изображено в книге «О Ленине» и в «Уроках Октября». Ленин умел и мог стоять во главе партии, главным образом, благодаря тому, что его гениальное руководство партией было признанным, не навязанным ей, оно являлось не в порядке «требований» Ленина к партии, а наоборот, благодаря тому, что Ленин наиболее сильно, дальнозорко и ясно выражал мысль и волю партии. Ленина поэтому никто не сможет противопоставить партии. Ленин мог противостоять в отдельных случаях той или другой части партии, но может ли живая развивающаяся партия обойтись без борьбы мнений, без отдельных разногласий? Все мы приветствовали бы и тов. Троцкого, если бы он повел в нашей партии неутомимую идейную борьбу за ленинизм, за идейные и политические основы большевизма, как это делал Ленин, а не так, как теперь все чаще делает Л. Троцкий, поставивший себе плохую задачу привить партии подновленные, особые троцкистские ячейки, неизменно и безнадежно проваливавшиеся в ходе революции. Ленину не раз приходилось бороться за преобладание того или другого мнения в партии, но Ленин не противопоставлял себя партии, он всегда с нею, всегда первый и признанный руководитель партии. Не мешало бы на опыте Ленина понять, что претензия на руководство в нашей партии не может быть основана только на том отношении к ней, которое было у Ленина с партией. В этой области история

* Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 221.

партии должна еще раскрыть поучительнейшие картины, поучительные, т. Троцкий, не только для коммунистов ленинского призыва. Поучительные потому, что Троцкий встал на опасный путь противопоставления себя партии. Но если теперь в свое оправдание он хочет задним числом изобразить Ленина противопоставленным партии, то это ему не удастся. Этого никому не удастся сделать.

Сам тов. Троцкий, работая в партии только со времени революции, мог раньше лишь со стороны наблюдать взаимоотношения Ленина с партией. И в его изображении сказывается не действительное положение дела, а то, видимо, что в его представлении является естественным и законным. На это можно, однако, сказать, что полагаться на свой опыт и на свои представления о партии надо с очень большой осторожностью. Троцкий слишком два десятка лет принимает активнейшее участие в революционной работе. Он наблюдал непосредственно близко перипетии внутренней жизни как нашей партии, так и партии меньшевиков. Его опыт в этом отношении как будто шире и разностороннее опыта многих старых большевиков. Но ведь именно поэтому этот опыт для нашей партии не всегда пригоден.

Троцкий в течение многих лет пытался быть вне фракций, пытался при этом играть роль внефракционного примиренца, иногда оставаясь даже и вне меньшевистской организации. На деле ему никогда не удавалось выполнить роль действительного примиренца. В течение почти всего дореволюционного периода внефракционность Троцкого сводилась фактически к поддержке меньшевиков. На деле чем больше тов. Троцкий занимался «примиренчеством», тем дальше расходились между собой фракции большевиков и меньшевиков, тем больше они оформлялись в особые партии. Но факт остается фактом. Троцкий часто пытался уместиться либо между борющимися фракциями, либо быть над партийными организациями. Во всяком случае, в расплывчатой меньшевистской организации он обыкновенно не чувствовал себя чем-нибудь стесненным, так как эта организация в течение долгих лет его вполне удовлетворяла. В большевистскую же организацию до революции он не входил.

В связи со сказанным выше нужно сделать два следующих вывода об отношении Троцкого к партии в настоящий момент.

Первый вывод. Если в дореволюционный период, когда Троцкий фактически был в меньшевистском плену, он пытался, хотя

и неудачно, «играть роль примирителя» между большевиками и меньшевиками, то в настоящий момент Троцкий берет на себя обратную задачу. И книга «О Ленине», и еще больше «Уроки Октября» занимаются усиленным раздуванием отдельных прошлых разногласий внутри партии. Прежний «примиренец» теперь выступает в роли азартного разжигателя разногласий в нашей партии. Для этого в 1924 г. притягиваются прямо за уши события из партийной истории в 1917 г. Троцкий в 1924 г. неудачно пытается продолжать роль Ленина, беспощадно бичевавшего эти ошибки в эпоху Октября. Это не только совершенно не к лицу Л. Троцкому, но из этого так же ничего не получится, как ничего не получилось из бывшего «примиренчества» Троцкого. Разлагающие партию статьи Троцкого не достигнут сейчас поставленной в них цели: партия в Октябре перешагнула через ошибки отдельных товарищей, а теперь перешагнет через ошибки Троцкого и пойдет дальше.

Но разница между ошибавшимися в Октябрьские дни товарищами и тов. Троцким заключается в том, что они сами уже давно и безоговорочно признали свои тогдашние ошибки, а Троцкий не только не набрался смелости признать даже основные свои ошибки, но и теперь к прежним прибавляет новые, все более грубые политические ошибки.

Второй вывод. В течение долгих дореволюционных лет партийное положение Троцкого в большинстве случаев было положением революционера-одиночки. Связываясь организационно, в отдельных случаях целиком, в других — не целиком, с организацией меньшевиков, Троцкий в то время, в тогдашней меньшевистской партии, мог доставить себе роскошь интеллигента-революционера, который органически не был связан ни с какой партийной организацией, который не вращался организационно прочно, по крайней мере на долгое время, в партийную организацию. Троцкий политически рос в эти годы как интеллигент-марксист, как одиночка-революционер. Из Троцкого поэтому не могла сложиться фигура настоящего пролетарского революционера типа большевика. Но, по крайней мере с конца февральской эпохи революции 1917 г., Троцкий, перейдя в ряды большевистской партии, должен был понять, что прежнего отношения к партийной организации дальше у него не должно быть. То, что было для Троцкого возможно в прошлом по отношению к партии меньшевиков, то и раньше было

невозможно по отношению к нашей партии; это будет и дальше невозможно по отношению к партии большевиков до тех пор, пока она останется действительно ленинской, большевистской партией. Никакие слова хвалы, никакие фразы с признанием великого значения партии не могут заменить правильного, революционно-пролетарского отношения к ней на деле. Поэтому-то тов. Троцкий должен понять непримиримость с большевизмом как двойственности в отношении к партии, так и внутренней противоречивости теперешней своей политической позиции.

**Об Октябрьском восстании, о новой теории разведок
и прощупываний и о лозунгах Октября**

Для всех нас Ленин и Октябрьская революция не отделимы. Роли Ленина в октябрьском восстании, роли действительного вождя, подлинного вдохновителя и руководителя партии и масс Л. Троцкий в главе «Переворот» дает совсем «новое», свое толкование и оценку Ленина в эпоху октябрьских событий. Ленин выступает перед нами, прежде всего, в роли заговорщика, при этом весьма неудачного заговорщика. Оказывается, находясь перед октябрём в подполье, «он требовал немедленного приступа к правильному заговору (курсив наш. — В. М.). Оказывается, Ленин переоценивал проницательность и решительность врагов, требовал от партии того, чего она не могла и не должна была делать в решающие дни перед восстанием.

С Лениным, с таким, каким его вымыслил сам Троцкий, он следующим образом назидательно полемизирует в книге «О Ленине»: «Брать власть собственной рукою, *независимо от Совета и за спиной его*, партия не могла. Это было бы ошибкой». Дальше: «Если бы восстание совершилось *за спиной Совета, вне связи с ним...* это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне».

Описывая дальше положение в Центральном комитете перед Октябрём, Л. Троцкий снова подчеркивает позицию Ленина, который будто бы требовал «немедленной организации восстания независимо от Советов». Наконец, через пару страниц Л. Троцкий изображает самый решающий момент октябрьского восстания — вечер 25-го октября. Здесь мы узнаем: «Я понял, что он (Ленин) *только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заго-*

вора. Только теперь — вечером 25-го октября — он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события» (С. 75)*.

Чтобы подтвердить, что это не просто отрывок случайных легкомысленно написанных воспоминаний, которые можно еще дальше «исправлять, уточнять и дополнять» (слова из предисловия), следует дополнить эти места из книги «О Ленине» ссылками на соответствующие страницы в «Уроках Октября». В этих «Уроках» Троцкий сверх всего предыдущего добавляет, что Ленин советовал начать восстание в Москве (совершенно в ложном свете описывая соответствующие указания. — В. М.), и при этом поучает Ленина следующим образом: «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом *захвата власти партией* (курсив наш. — В. М.) — одно, а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда Советов — совсем другое».

После всего этого стоит взглянуть через такие очки Троцкого на вождя Октябрьской революции. Перед нами стоит не Ленин, не наш Ильич, а совершенно жалкий образ запутавшегося в событиях человека. Троцкий, снисходительно, конечно, находит оправдания для Ленина: Ленин-де переоценивал догадливость врага, Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренного перелома, происшедшего к этому времени в ходе революционных событий и настроений. Да к тому же ведь Ленин вечером 25-го октября (Троцкий прибавляет: «только теперь, вечером 25-го октября!...») понял (понял!) «путь, каким пошли события!» Но после такого оправдания приписанных Ленину чудовищных ошибок (конспиративное заговорщичество, захват власти партией за спиной Советов и т. п.) Ленину уже не подняться в настоящие вожди октябрьского переворота. Если судить по Троцкому, не подняться! Троцкий приготовил для него совсем другое место.

Теперь взглянем, как по сравнению с этим Троцкий изображает свою роль в октябрьских событиях. Об этом в книге «О Ленине» говорится не так ясно, как в знаменитых «Уроках Октября». В этих последних Троцкий изображает себя организатором «тихого», почти «легального», или, как он еще говорит, «сухого», вооруженного восстания 9-го октября, к которому «восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Оказывается,

* Во всех этих цитатах курсив наш. — В. М.

когда «мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе $\frac{2}{3}$ гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении, а между тем исход восстания 25-го октября был уже на $\frac{3}{4}$, если не более предопределен в тот момент». Далее, по Троцкому, оказывается, что мы еще за две с лишним недели до съезда Советов на $\frac{3}{4}$, если не на $\frac{9}{10}$, совершили октябрьский переворот.

Вот теперь перед нами полная картина, на которой нарисованы Ленин и Троцкий в октябрьские дни: один — Ленин — жалким заговорщиком, другой — Троцкий, который «на $\frac{9}{10}$ » провел это восстание. Перед нами Ленин — неудачник «конспиративного заговора» и рядом Л. Троцкий — герой «тихого» восстания.

Легко сравнить, не трудно выбрать не только партии, но и широким беспартийным кругам! Трудно даже представить себе, что тов. Троцкий сознательно хотел такого сравнения, какое у него получилось. Но на деле получилось прямое противопоставление себя Ленину и — совершенно ложная картина участия и влияния на события Ленина и Троцкого. Получилось явно и в корне фальшивое изображение всех основных фактов октябрьского переворота. Совершенно невозможно примириться с мыслью, чтобы подобное описание событий октябрьского переворота было возможно 2–3 года назад при Ленине, даже если бы это писал тот же самый Л. Троцкий. Но и теперь не только для участников октябрьских событий, но и для всех интересующихся и изучающих эту эпоху прекрасно видима полная несостоятельность и лживость описания октябрьских событий и роли в них руководящих товарищей в «Уроках» Троцкого. Теперь уже приведены в печати ряд основных фактов, восстанавливающих действительную картину октябрьских событий. Никакого сомнения не может быть в том, что простое описание фактов не оставит от этого изображения Троцкого камня на камне.

Стоит ли останавливаться еще на том, что у самого Троцкого не просто сквозят, а прямо торчат наружу внутренние противоречия в описании событий эпохи Октября. Ленин, по его изображению, еще в середине октября защищает конспиративный заговор «за спиной Совета», а с другой стороны, оказывается, события превосходно разворачиваются в «легальных», «тихих» формах, и что 25-го октября «понадобилось уже только небольшое,

дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности». Таким образом, ни Ленин, ни партия, ни рабочие, ни солдаты не заметили, когда они совершили «главное» восстание. Или, подумайте, что получается: с одной стороны, Ленин, в изображении Троцкого, до вечера 25-го октября остается конспиративным заговорщиком, требующим как можно скорее захвата власти, не дожидаясь съезда Советов, а с другой стороны, оказывается, что на деле восстание уже на «⁹/₁₀» произошло по крайней мере за две недели до 25-го октября, и съезд Советов только его санкционировал. Ленин оказывается окончательно в положении ничего *не понимающего*, да к тому же и ничего *не видящего* простака.

После такого описания октябрьского переворота нужны ли, имеют ли какой-либо смысл десятки и десятки комплиментов Ленину, сказанные хотя бы тем же Л. Троцким? Одно из двух: либо Ленин и в самом деле был всего навсего таким, каким он представлен в троцкистском изображении — жалким, неудачно «целеустремленным», зауряд-вожаком, либо «воспоминания» и «история» Л. Троцкого слишком во многом извращены и фальшивы. Либо Ленин не был тем настоящим Лениным, — душой и вождем Октября, — каким его знают партия и широчайшие массы трудящихся, либо «воспоминания» и «история» Л. Троцкого насквозь пропитаны и отравлены худшими приемами троцкизма, не знающего границ в своей самовлюбленности. Для нас, как и для читателей, ясно, что здесь верно, в чем тут правда. О роли Ленина в Октябрьской революции уже сказано не раз и еще будет немало сказано в будущем. Фактические материалы из эпохи октябрьских событий слишком богаты для того, чтобы роль Ленина, вождя партии октябрьского переворота, могли исказить или изуродовать плохие книги, вроде книги «О Ленине», и плохие истории об Октябре, вроде «Уроков» Троцкого.

Перейдем к следующему вопросу.

В книге «О Ленине» уделено также место периоду подготовки к Октябрю. И в этой книге, и в «Уроках Октября» Л. Троцкий особенное внимание уделил при этом внутривнутрипартийным разногласиям того времени. Мы уже сказали выше, насколько неправильно, извращенно представлены тов. Троцким тогдашние разногласия в нашей партии. Сейчас в связи с вопросом о предоктябрьской революционной эпохе необходимо остановиться еще на одной

крупной ошибке, которую допускает тов. Троцкий в оценке этих событий и роли в них нашей партии. Эта ошибка дальше превращается в более общую ошибку, характерную для Троцкого и для троцкизма. У тов. Троцкого создается как бы специальная теория революционных разведок и прощупываний. Он говорит: «В эпоху 3-го конгресса Коминтерна Владимир Ильич говорил как-то: “В июле 1917 г. мы наделали немало глупостей”. Он имел при этом в виду преждевременность военного выступления, слишком агрессивные формы демонстрации, не отвечавшие нашим силам в масштабе страны»*. Снова тов. Троцкий говорит об этом на странице 67-й: «В чем состояли эти “глупости”? В энергичном или слишком энергичном прощупывании, в активной или слишком активной разведке. Без таких разведок, производимых время от времени, можно было отстать от масс (курсив наш. — В. М.). Но известно, с другой стороны, что активные разведки иногда волей-неволей переходят в генеральное сражение. Вот этого едва не случилось в июле. Отбой был все же дан и достаточно вовремя»**.

Эта «теория разведок и прощупываний», данная предупредительно в двух первых главах об октябрьском перевороте, нужна тов. Троцкому для того, чтобы в следующей главе, в главе «Брест-Литовск», из нее вывести оправдание своей брестской ошибки. Он говорит здесь: «Наша партия, едва вышедшая из горячей октябрьской печи, нуждалась в проверке международной обстановки действием», и называет себя и своих сторонников «сторонниками прощупывательной формулы (курсив наш. — В. М.) “ни войны, ни мира”». И чтобы окончательно оправдать свою не допускающую оправдания брестскую позицию, Л. Троцкий говорит: «Три года спустя мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывания штыком (курсив наш. — В. М.) буржуазно-шляхетской Польши. Мы были отброшены. В чем тут разница с Брест-Литовском (т. е. с позицией Троцкого во время Брест-Литовска. — В. М.)? Принципиальной разницы нет, но тут разница в степени риска». Но эту попытку оправдания брестской позиции Троцкого ленинским прощупыванием штыком буржуазно-шляхетской Польши в 1920 г. уже достаточно решительно отбросила редакция «Большевика». Здесь была разъяснена прин-

* Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 59.

** Там же. С. 67.

ципиальная разница («риск головой» и «риск рукой») между Брестом и Варшавой, которой (разницы) Л. Троцкий до сих пор не заметил*.

Но следует остановиться на всей «теории разведок и прощупываний», выдуманной Л. Троцким для оправдания своей брестской ошибки, а заодно и для разоблачения «правого крыла» большевиков. В изображений Троцкого получается, что партия устраивала перед Октябрем, по крайней мере каждый месяц, «по разведке» и по «прощупыванию». Вооруженная демонстрация солдат против временного правительства 21-го апреля — разведка. Назначенная большевиками 10-го июня мирная демонстрация — разведка. Июльские события — прощупывание. А отсюда тов. Троцкий выводит законность проверки международной обстановки в эпоху Бреста и прощупывания Польши в 1920 г.

Следует, однако, относиться к истории нашей революции серьезнее, чем это делает тов. Троцкий. У тов. Троцкого верно только то, что в 1920 г. было действительно решено прощупывание штыком, правда, оказавшееся ошибкой, что партия давно признала. Верно еще у тов. Троцкого то, что мирная демонстрация 10-го июня, предлагавшаяся большевиками, была также одной из форм прощупывания настроения масс и политической обстановки в целом. Однако как раз этот пример должен правильно пояснить позицию партии по отношению к «проверкам» и «прощупываниям». Партия настолько осторожно относилась к ним, что даже мирную демонстрацию согласилась отменить, считаясь с требованием тогдашнего меньшевистского Петроградского Совета. Вместо этого тов. Троцкий это одно из первых стихийно-революционных массовых выступлений в апреле изображает как разведку, которую партия проделывала по решению Центрального комитета, притом еще якобы против воли «правых» большевиков! Такую же ошибку он допускает и по отношению к июльским событиям. Июльские события вовсе не были заранее подготовлены и организованы партией. Наоборот, вопреки предложениям партии, 3-го июля произошла вооруженная демонстрация прежде пулеметчиков, а затем вообще питерских солдат и рабочих. Партия при этом понимала свою роль как руководителя масс, — руководителя, стремившегося

* По поводу статьи тов. Троцкого. Ответ редакции // Большевик. 1924. № 12–13. С. 106.

в тот момент придать уже начавшемуся и опять-таки стихийному выступлению более организованный характер.

После того, как стихийно начавшееся движение стало приобретать широкие размеры, партия решила возглавить его, но (обсудив в Центральном и Петербургском комитетах политическое положение в целом) решила ограничить его рамками внушительной демонстрации. Только в этом последнем смысле, а не как заранее подготовленное партией дело, можно считать июльскую демонстрацию прощупыванием политической обстановки. Отсюда понятно, с какой исключительной осторожностью партия относилась и относится к революционным проверкам и прощупываниям. Отсюда понятно, как натянуты и неубедительны старания Троцкого объяснить свою брестскую ошибку «теорией разведок и прощупываний» международной обстановки. Попытка защищать эту явную ошибку, к которой следовало бы отнестись пообъективнее через шесть с лишним лет, нельзя не признать теперь уж слишком претенциозной и просто смешной. Присоединять же к старой ошибке еще новую ошибочную «теорию разведок и прощупываний» значит — идти не вперед, а назад, все больше запутываясь в пышной одежде собственных политических противоречий.

Эта новейшая «теория» революционной тактики по существу чужда нашей партии, чужда потому, что слишком смахивает на революционный авантюризм. Попытка защищать «теорию разведок и прощупываний» на примере Бреста именно и подчеркивает эту отрицательную черту ее, близость ее к авантюризму самой опасной марки. В данном случае она предназначена, главным образом, для того, чтобы прикрыть отсутствие ясной революционной позиции тов. Троцкого в эпоху Бреста. Если же партия пошла бы действительно по этому пути, это был бы путь самых губительных революционных авантюр. Тогда бы уже наверняка эта «теория» вместе с теми, кто пошел за нею, оказалась бы под обломками крахнувшей революции. Поэтому-то, при всей внешней «революционности» брестской позиции Л. Троцкого, при всей внешней «левизне», теория разведок и прощупываний, и та, и другая, чужды ленинской революционной тактике.

Следует здесь еще остановиться на ложном, вернее — путанном, истолковании тов. Троцким отдельных лозунгов октябрьской эпохи. В этом отношении особенно характерно одно место в книге «О Ленине». Описывая то, как с первых же дней переворота

буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты превратились в «довольно согласный хор волков, шакалов и бешеных собак», Л. Троцкий передает такой свой разговор с Владимиром Ильичом:

«Газеты особенно ухватились за слова “грабь награбленное” и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это “грабь награбленное”, — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова, — спросил я, — или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал, да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой».

Этот «разговор» вызвал в нашей печати уже несколько откликов, в которых прозвучал законный протест против такого изображения отношения Ленина к лозунгу «грабь награбленное». После этого тов. Троцкий попытался объяснить этот разговор в «Большевики» (№ 12–13)*. В своих объяснениях он подошел к этому небольшому «разговору», кажется, со всех возможных точек зрения: политической, психологической, лингвистической и, наконец, фактической. Одни уж эти, слишком большие и обстоятельные «объяснения», потребовавшиеся к маленькому разговору, говорят за то, сколько же придется тов. Троцкому давать объяснений по всей своей книге «О Ленине». Л. Троцкий, очень ревниво отнесясь к заподозриванию его памяти, не пожалел ни строк, ни красноречия, чтобы объясниться по поводу этого чрезвычайно странного его разговора с Лениным. Если сопоставить теперь эти 3 объяснения в «Большевики» с тем, что написано в книжке «О Ленине», то свойственные Троцкому путанье и противоречия делаются особенно ясными. В сущности говоря, у Троцкого нашелся один серьезный аргумент в пользу приводимого им «разговора». В статье в «Большевики» он объясняет этот разговор с Лениным тем, что он происходил уже после окончания первого «периода бурь и натиска» советской революции**. И в доказательство приводит речь Ленина от 29-го апреля 1918 года***. Однако из текста самого этого разговора в книге «О Ленине» отнюдь не вытекает, что этот

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия // Большевик. 1924. № 12–13. С. 98.

** Там же. С. 100.

*** Там же.

разговор был через полгода после октябрьского переворота. Наоборот, весь текст этой части главы «Правительственная работа» говорит о совершенно другом периоде, — о первых неделях после октябрьского восстания. Поэтому, чтобы быть последовательным, тов. Троцкому придется в книге «О Ленине» внести поправки в эту часть, иначе она не может не производить впечатления двусмысленного поддакивания хотя бы и советскому обывателю.

И все-таки где же прав тов. Троцкий: в главе ли «Правительственная работа», где Ленин, по передаче Троцкого, говорит по поводу слов «грабь награбленное» — «сказал да и позабыл», или в статье-объяснении в «Большевике», где тов. Троцкий говорит, что Ленин «не отрекается, конечно, от лозунгов дофевральского (1918 года) периода, — в том числе и от “грабь награбленное”»?*

Ведь если в «Большевике» тов. Троцкий сказал, что лозунг «грабь награбленное» был верен по отношению к первому периоду Октябрьской революции, и совершенно правильно добавил, что этот лозунг был неверен по отношению к следующему периоду революции, то в книге «О Ленине» нет и намека на то, что лозунг «грабь награбленное» имеет такое двойное (для разных эпох) значение, как, впрочем, и всякий лозунг. А с другой стороны, относился ли когда-нибудь Ленин к лозунгам так — «сказал да и забыл»? Нет, так не бывало с Лениным. Но в книге «О Ленине» лозунг «грабь награбленное» тов. Троцким представлен вовсе не как лозунг, с которым Ленин выступал в самую горячую эпоху Октября для того, чтобы русскими словами перевести массам латинское выражение «экспроприация экспроприаторов». А теперь, по ничем необъяснимым воспоминаниям тов. Троцкого, от него, от этого лозунга, отмахиваются почему-то и Ленин, и Троцкий. И потому весь этот разговор оставляет такое двусмысленное впечатление. Быть может, хоть эту ошибку тов. Троцкий признает и исправит?

Современный троцкизм как ревизия ленинизма под флагом Ленина

Одной из характерных черт книги «О Ленине» является затупевывание позиции и точки зрения автора. Это можно применить к этой книге, начиная с первой статьи «Ленин и старая “Искра”».

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия.

В ней говорится о том периоде, когда «Ленин становится Лениным». Но как в этом периоде Троцкий стал Троцким, об этом не говорится, а между тем, как это теперь ясно, в это время складываются и основные черты политической фигуры Троцкого. В главе о периоде «Искры» рассказывается об одном из важнейших этапов развития партии, связанном со вторым съездом партии. Как известно, на этом съезде произошел раскол на большевиков и меньшевиков, или, как пишет Троцкий: «На втором съезде “искровцы” разделились на твердых и мягких».

Перед этим Л. Троцкий замечает: «Можно сказать, что и до раскола и до съезда Ленин был твердый, а Мартов — мягкий. И оба это знали». Вот только очень трудно в этой статье Троцкого найти какие-либо ясные указания насчет того, каким, «твердым» или «мягким», был в это время сам Троцкий. Правда, в одном месте Троцкий приводит слова Ленина, в которых дается сравнение между Мартовым и Троцким. Ленин, по словам Л. Троцкого, говорил: «По вопросу о популярном органе пускай уж лучше Плеханову возражает Мартов. Мартов будет смазывать, а вы станете рубить. Пусть уж лучше смазывает». А Троцкий прибавляет: «Эти выражения: *рубить* и *смазывать* помню твердо». Как будто получается, что Троцкий был непохож тогда на «мягкого» Мартова. В другом месте Троцкий вспоминает, что Ленин хотел его ввести в редакцию «Искры» седьмым членом для усиления противодействия Г. В. Плеханову. Снова получается впечатление, что Троцкий был тогда с Лениным. Но после этого уже совершенно непонятно, по крайней мере, из статьи Троцкого «Ленин и старая “Искра”», совершенно необъяснимы некоторые события, имевшие место на втором партийном съезде. Троцкий пишет, что до второго съезда «я (Троцкий) брал “Искру” как целое, и мне в те месяцы была чужда и даже как бы внутренне враждебна мысль искать в ней или в ее редакции различные тенденции, оценки, влияния и пр.». Мы можем, конечно, только принять к сведению сообщения Троцкого о том, что до съезда ему была даже чужда мысль о разногласиях в «Искре», что разногласия между «искровцами» на самом съезде были для него совершенно неожиданными. Но все-таки статья «Ленин и старая “Искра”» писалась ведь в 1924 г., а в ней все написано так, как будто Троцкий в период до съезда был с Лениным. В статье ничего не сказано о том, с кем он (Троцкий) был на самом втором съезде, и, наконец, не сказано ничего о том, каким же образом

на этом съезде Троцкий оказался в числе противников Ленина, и почему именно с тех пор на долгие годы ушел к меньшевикам для борьбы против большевиков, и, в первую голову, против Ленина. Вся эта статья затушевывает подготовку ко второму съезду, и потому из нее нельзя ничего понять в вопросе, почему же со второго съезда у нас фактически началось создание двух партий и почему Троцкий с этого времени примыкал в течение почти 15 лет к одной из этих партий — к меньшевикам. В 1924 г. об этом следовало бы сказать совсем ясно, без обиняков, без затушевываний, так, как полагается большевику, — по-большевистски. Говорит же о себе в других случаях тов. Троцкий больше, чем достаточно, хотя книга и носит, правда, название «О Ленине».

Но вот мы перескакиваем через 15-летний промежуток времени. Идет ряд статей под общим заглавием «Вокруг Октября». Начиная с первой из них, Троцкий описывает свое сближение с нашей партией. Здесь рассказано о первом свидании с Лениным после февральской революции. Здесь же говорится, что в этот период Троцкий, тогда еще интернационалист-объединенец, произносит речи от имени — «мы, большевики-интернационалисты», потому что «политика была общей». Дальше, описывая дни корниловщины, Троцкий упоминает: «За это время успело совершиться вступление объединенцев в большевистскую партию». И вот почти все, что Троцкий говорит о своем переходе в партию большевиков. Опять здесь поражает отсутствие ясного объяснения, как совершился этот переход. Нельзя не отметить, что после периода 15-летних разногласий с большевиками такой шаг Троцкого имел большое политическое значение. Однако вместо того, чтобы объяснить его, Троцкий отделяется несколькими замечаниями, сказанными скороговоркой.

В другом месте, в своей книжке «Новый курс», Троцкий писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Как бы было кстати, если тов. Троцкий не только объяснил, каким образом он ушел к меньшевикам в 1903 г., но и каким образом он пришел к большевикам в 1917 г.? Но, к сожалению, он не делает ни того, ни другого.

Троцкий, в особенности в книге «О Ленине», как уже сказано, много говорит не только о Ленине, но, — пожалуй, не меньше! — и о себе, но этих интересных моментов собственного политического развития он серьезно не касается, вернее, даже затушевывает

их. В статье, помещенной в «Большеви́ке» в ответ на заметку тов. Вардина, Троцкий объясняет, почему именно он касается в книге «О Ленине» тех периодов, когда он «теснее всего работал с Лениным». И там же, говоря о Ленине и тех периодах, когда он расходился с ним, Троцкий заявляет: «В основном вопросе долголетних разногласий о путях развития партии правота была полностью и целиком на стороне Ленина»*. В этой небольшой и по внешности определенной фразе опять скрываются две больших неясности. Здесь в словах «о путях развития партии» глухо говорится о разногласиях, которые были, в сущности, не в пределах даже одной партии, а были разногласиями между двумя партиями, разошедшимися в противоположные стороны: одна — с пролетариатом к социализму, другая — с буржуазией к защите капитализма. То, что здесь глухо сказано по поводу прошлых разногласий «о путях развития партии», есть вопрос о борьбе большевизма с меньшевизмом, о борьбе революционного марксизма с либерально-политической агентурой буржуазии в рабочем движении. Почему бы и Троцкому поопределеннее [не] разъяснять, [не] сказать об этом? За последнее время этому вопросу, в связи с прежней политической позицией Троцкого, было уделено немало внимания. Можно только пожелать, чтобы тов. Троцкий «полностью и целиком», ясно и без затушевывания рассказал сам об этом периоде, хотя бы в другом месте. Но мы уже отметили в процитированной нами выше краткой фразе «о путях развития партии», что здесь тов. Троцкий допускает в ней целых две неясности. Вторая из них заключается в том, что Троцкий затушевывает здесь ссылкой на «пути развития» партии, что он расходился с большевизмом не только по вопросам строительства партии, но и по основным вопросам революционной тактики, по оценке нашей революции. Между тем и эти последние разногласия приходится отнести также к числу основных «долголетних разногласий». К сожалению, «Уроки Октября» лишний раз подтвердили, что разногласия Троцкого с большевиками в этом вопросе не только не изжиты, но что Троцкий занимает здесь и сейчас в корне ошибочную антибольшевистскую позицию. Ошибочность позиции сторонников так называемой «перманентной революции» не раз доказывалась Лениным. На основании этой

* Троцкий Л. Д. Избыток усердия. С. 103.

ленинской критики «перманентной революции» за последнее время еще и еще раз была показана ошибочность этой полуменьшевицкой политической линии.

Как теперь напомнили в печати на примере события революции 1917 г., Ленин снова подчеркнул ошибочность политики «перманентчиков». Троцкий знает и помнит об этом. Он вспоминает в «Уроках Октября», как «Ленин иногда говорил, что Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в первую эпоху февральской революции осуществлял свою до известной степени революционную демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это, — соглашается Л. Троцкий, — верно, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть... Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимой единой партией и ведущей за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не подымавшаяся до подлинной власти форма, как тенденция, но не как факт»*.

Здесь, не называя Ленина, фактически прикрываясь его именем, Троцкий явно полемизирует с ним по существу основных вопросов оценки революции и революционной тактики. Не раз уже за последнее время была разобрана повторяемая здесь Троцким одна из основных и старых его ошибок: ошибочная недооценка и неправильное отрицание революционной роли крестьянства в нашей революции. Но нам важно здесь отметить, как тов. Троцкий в тех же самых «Уроках Октября» сам фактически опровергает свою перманентную ошибку, повторяемую в процитированных выше словах. Вот что он сам говорит на предпоследней странице «Уроков Октября»: «Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. XX—XXI.

самым она “требовала” министерства Пешехоновых: в конце концов между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Дюжина Пешехоновых означала бы правительство из дюжинных представителей мелкобуржуазной демократии вместо коалиции». И дальше так заканчивает это место Л. Троцкий: *«Никакой особой (!) линии тут не было, — это была линия, которую Ленин формулировал не раз»* (курсив наш. — В. М.)*. Что же получается у тов. Троцкого? Пожалуй, из его собственной последней фразы вытекает, что он целиком согласен с Лениным, но только хочет подчеркнуть, что тут не было «никакой особой линии». Что бы это значило? Разве неизвестны тов. Троцкому статьи Ленина в 1917 г., где он продолжал решительно осуждать точку зрения «перманентной революции», и именно на примере предложения нашей партии тогдашнему меньшевистско-эсеровскому ЦИКу взять власть в свои руки и посадить в министерство «12 Пешехоновых» Ленин и наша партия доводили до конца свою, если хотите, именно особую точку зрения на диктатуру пролетариата и крестьянства. Как же можно соглашаться с этой политикой партии, как можно солидаризироваться с Лениным, никогда не соглашавшимся с позицией «перманентчиков», и вместе с тем *говорить, что позиция «перманентчиков» была правильной?* На этом примере мы лишний раз видим, как старательно затушевывает и как безбожно путается в своей политике тов. Троцкий. Над ним продолжает тяготеть его политическое прошлое, его троцкизм, мешающий и теперь встать обеими ногами на почву правильной, большевистской политики. Он и в 1924 г. никак не может отказаться от своей основной полуменьшевистской ошибки в прошлом: от недооценки революционной роли крестьянства. Хотя он и теперь ничего по существу не может возразить против политики нашей партии в 1917 г., даже больше: он оправдывает тогдашнюю нашу политику, вместе с тем он остается при своей «перманентной революции», которую решительно осуждала партия, и прежде всего Ленин, и до революции, и в 1917 г.

Троцкий — не новая политическая фигура. Он прошел через ряд этапов, в полном союзе или в полусоюзе с меньшевиками. Эти

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. LXVI.

этапы тов. Ленин не раз описывал в своих статьях. Так, в большевистском журнале «Просвещение» в 1914 г. Ленин сжато характеризует политическое развитие Троцкого за все время от начала 900-х годов до 1914 г.

В этой же статье Ленин дает уничтожающую оценку «особой» линии Троцкого, говоря: «Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой»*. Казалось, после разрыва с меньшевиками и вступления в партию большевиков, это — окончательно пройденная полоса. Однако последними своими выступлениями тов. Троцкий заставляет вспоминать некоторые старые ленинские характеристики.

Нам важно указать здесь, что за то время, как Троцкий находится в нашей партии, за последние семь лет революции, Троцкий также имеет, так сказать, свою «особую» партийную историю. Если раньше, в 1914 году, Ленин считал необходимым повторить перед молодым рабочим поколением историю политического развития Троцкого, то перед современным рабочим поколением, перед новыми слоями рабочих, необходимо яснее обрисовать историю политического развития Л. Троцкого и за эти годы революции. Эта последняя, как показывают теперешние литературные выступления Троцкого, связана до известной степени с политическим прошлым Троцкого. За годы революции Троцкий в рядах нашей партии прошел черед нее этапы, через которые проходила партия, но при этом в ряде действительно основных моментов революции Троцкий пытался менять свою позицию, отличную от позиции большинства партии и в частности отличную от Ленина. Однако ни в одном основном вопросе отличавшаяся от позиции Ленина «особая» позиция Троцкого не оказалась правильной.

Началось в январе-феврале 1918 года, в эпоху Бреста. В чем заключалась тогда его ошибка, мы уже говорили. В 1921 году, при переходе к нэпу, тов. Троцкий выступил за ускорение фактического огосударствления профсоюзов в тот момент, когда революция поставила перед нами задачи совсем другого рода, а именно переход к продналогу, к большей свободе торгового

* Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 313.

оборота и установлению известных форм государственного капитализма и, в связи с этим, к новым задачам профсоюзов, причем к таким задачам, которые лежали совершенно до другой линии, чем линия Троцкого и троцкистов. После того Троцкий превратился в специального защитника так называемой «плановости» в хозяйственной области. При этом он жестоко и беспощадно критиковал Центральный комитет партии за недооценку важности хозяйственного плана и сделал лозунг «хозяйственного плана» как бы своим специальным лозунгом, не предвидев и не заметив того, что подготовлявшаяся тогда и затем проведенная партией, во главе с ее Центральным комитетом, денежная реформа была основным и самым важным элементом для проведения плановости в нашем хозяйстве. Рыцарь хозяйственного плана, не жалевший для этой идеи времени и напыщенных фраз в статьях, в речах и в специальных обращениях в ЦК, как раз об этой-то денежной реформе, об этой-то главной основе хозяйственного плана всегда «забывал» говорить и писать. Вопреки же этой незабываемой «забывчивости» тов. Троцкого партия и ЦК нащупали и пошли по единственно правильному пути для обеспечения основы по проведению государственного планирования хозяйственной жизни.

В прошлом году тов. Троцкий выступил застрельщиком и вождем партийной дискуссии. В это время он не пожалел красок для отрицательной характеристики партии. Это всем нам памятная дискуссия, вопреки предсказаниям оппозиции, закончилась «ленинским призывом», когда две сотни тысяч рабочих влились в нашу партию, как и свою, как в ленинскую партию. И это прошло в атмосфере исключительно яркого политического сочувствия партии со стороны действительно широких масс рабочих и одновременно в атмосфере полного морального поражения мелкобуржуазной оппозиции и партии, т. е. политического провала Троцкого и его сторонников.

За последние месяцы выступления Троцкого со своей «особой» точкой зрения не только на внутрипартийные темы участились. Вместе с этим увеличивается, выражаясь по Троцкому, его «радиус путаницы» и количество крупных политических ошибок, делаемых Троцким. Попытка стать на свою «особую» троцкистскую позицию приводит к тому, что Троцкий изолирует себя в партии, отрывается от ее основных кадров, и это должно быть для него серьезнейшим предостережением.

Партия ценит Троцкого, знает его большое значение и революционные заслуги за последние годы, но она не может не вглядываться в те все возрастающие политические ошибки, которые он делает за последнее время. Партию заставляют особенно насторожиться попытки возродить троцкизм. Партия знает, что старый троцкизм пытался брать кое-что у большевиков, кое-что у меньшевиков. При этом партия твердо знает то, что в троцкизме было небольшевистского, было и теперь остается «полностью и целиком» чуждым нашей партии. Современный троцкизм столь же чужд ленинизму, как и старый троцкизм. «Новое» в троцкизме есть не что иное, как пережитки и остатки меньшевизма. Ленинизм, как и марксизм, ценен и нужен пролетариату как цельное, внутренне единое учение о задачах партии в эпоху пролетарской революции и как последовательно-революционная политика рабочей партии в эпоху диктатуры пролетариата. Подновление ленинизма троцкизмом столь же противоречит последовательно-революционному духу ленинизма, сколь противоречили в былые годы сущности учения Маркса попытки ревизионистов подновить и исправить революционный марксизм. Если современный троцкизм пытается кое в чем затушевывать разницу между троцкизмом и ленинизмом, если современный троцкизм пытается оправдать в чем-либо троцкизм перед ленинизмом, это нельзя не рассматривать иначе как покушение с дурными средствами, какие бы тут ни были личные намерения. Эта ревизия ленинизма, такое использование Ленина не пройдет хотя бы и под флагом ленинизма. Также чужды ленинизму политическая двойственность и всякое затушевывание идейных позиций.

У партии сейчас много практических дел, много неотложных практических задач, по которым она единодушна, как во всем основном, она единодушна и в оценке своих революционных путей и политических перспектив. В этом смысле партии не нужна дискуссия, и поэтому она не хочет ее. Но, однако, разъяснение основ ленинизма в свете новых и старых ошибок троцкизма для партии сейчас в высшей степени необходимо. Попыткам оживить троцкизм как идейное течение должен быть дан решительный отпор. Такие попытки не могут не рассматриваться как оппортунистическая ревизия ленинизма. Развернувшиеся за последние годы революции организации с пользой пройдут теперь курс ленинизма, и в частности изучение троцкистских ошибок в прошлом

и настоящем должно помочь воспитанию и политическому росту действительных ленинцев в нашей партии. Троцкий причисляет себя к ленинцам. Книга «О Ленине», на которой мы, главным образом, здесь останавливались, могла бы поэтому быть лучшим доказательством этого. Однако ошибки, неправильности и извращения в книге «О Ленине» в характеристике вождя нашей партии и самой партии настолько очевидны и вопиющи, что тов. Троцкий этой книгой доказывает скорее обратное. В этой книге, как и в «Уроках Октября», как и в «Новом курсе», ошибки тов. Троцкого явно превышают положительные стороны: троцкист в Троцком берет верх над ленинцем. Книга «О Ленине», по заявлению Троцкого, — материал для биографов Ленина. Но политические биографы Ленина будут и должны писать не столько на основании таких испорченных политической тенденциозностью книжек, как книга тов. Троцкого «О Ленине», сколько на основе тех ценнейших и никем не извращенных материалов и документов, которые оставила нам замечательная история дореволюционных и революционных годов.

Эта же книжка «О Ленине», как и «Уроки Октября», как и «Новый курс», будет служить материалами для характеристики двойственности теперешней политической позиции Троцкого и тем самым материалами об уроках троцкизма.

